

Америка после Колумба:

Взаимо-
действие
двух миров

• Наука •

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАИ

Америка
после
Колумба:
взаимодействие
двух миров

МОСКВА НАУКА 1992

НБК 63.5(3)
А 61

Ответственный редактор
доктор исторических наук В. Л. ТИШКОВ

Рецензенты
кандидат исторических наук И. Ф. ХОРОШАЕВА,
кандидат исторических наук Е. А. ШЕРВУД

А 61 Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. —
М.: Наука, 1992. 271 с.

ISBN 5-02-010059-5

Книга посвящена проблемам индеанистики, процессам 500-летнего взаимовлияния и взаимодействия, контактам и конфликтам аборигенных племен Америки с народами Старого Света. В центре внимания — исторические судьбы индейцев и эскимосов, их борьба за сохранение своих традиций и самобытной культуры, за суверенитет и права в современном мире.

Особо рассматриваются история русской колонизации Америки, ее влияние на развитие северо-западного побережья Тихого океана.

Для этнографов, историков, широкого круга читателей.

0505000000-103
042 (02)-92

91 (II пол.)

ББК 63.5(3)

ISBN 5-02-010059-5

© Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1992

© Российская академия наук,
1992

Введение

500-летний юбилей открытия Колумбом Америки, который будет отмечаться 12 октября 1992 г., взбудоражил ученых и общественность Старого и Нового Света и вызвал нешуточные политические страсти. Первоначальный праздничный настрой престижных национальных и международных оргкомитетов и комиссий довольно серьезно был омрачен горьким и гневным вопросом, заданным представителями аборигенного населения Америки: «А что, собственно говоря, празднуем?»

И вопрос этот далеко не всплеск эмоций современных индейских лидеров. Он представляет собой серьезный повод для научных и философских осмыслений состоявшегося в истории грандиозного но своим масштабам и воздействиям контакта цивилизаций и культур на территории Америки.

Можно по-разному оценивать те давние, полные драматизма события, задаваясь вопросом, что дала человечеству встреча двух миров. Уничтожение индейских цивилизаций или прогрессивный процесс создания нового мира с новой самобытной культурой? И то, и другое. Однако для прошлого истории неприемлемо моделирование «улучшенных» ситуаций. Оборот «если бы. . . то. . .» в исторической ретроспекции лишен всякого смысла. И поэтому мы, историки, видим свою задачу в том, чтобы восстановить и сохранить для человечества память о его прошлом, осмыслить траекторию его современной эволюции.

В предлагаемом читателю очередном выпуске сборника «Проблемы индеанистики» публикуются мате-

риалы III Всесоюзного симпозиума советских индее-
нистов — археологов, историков и этнографов, занима-
ющихся изучением американских индейцев. Большин-
ство статей, в том числе и те, которые претендуют
на анализ современности, обращено к сюжетам про-
шлого. Однако контакт двух миров продолжается, и ход
событий достаточно стремителен и неожидан. Об этом
пойдет речь в заключении.

**Культ сейбы на Кубе:
к вопросу об индейском субстрате
в культуре кубинцев**
А. А. Бородатова

Одной из важнейших функций мифологических текстов, как замечает известный философ и культуролог Ю. М. Лотман, является их способность восстанавливать «память культуры». В этом смысле, по его мнению, тексты можно сопоставить, причем не только метафорически, с семенами растений, которые, «являясь генерирующими информацией механизмами, могут переноситься в чужую экологическую среду, сохраняя всхожесть, т. е. реконструируя память о том дереве, которое их произвело»

В настоящей статье речь пойдет о сейбе² — священном дереве кубинцев. Мы попытаемся, исследуя культ сейбы и тексты, связанные с ним, реконструировать часть древнего пласта кубинской культуры, осветить практически бесписьменные века кубинской истории, когда после завоевания острова и ввоза на него рабов здесь встретились три культуры — индейская, испанская и африканская, во взаимодействии породившие современную фольклорную традицию Кубы.

Священное дерево в центре мира

Сейба — самое высокое дерево Антиль, вызывающее восхищение своей мощью и стройностью, — является местным вариантом универсально распространенного образа мирового дерева, которое во всех мифологических и религиозных системах отмечает сакральный центр мироздания и воплощает концепции организации мирового пространства и вечного плодородия³. Культ сейбы — живая фольклорная традиция. Легенды о ней знают все — от мала до велика. Сейба почитается во всех религиях, представленных на острове: и в синкретических афрокубинских культах, и в местном католицизме, который вобрал в себя много африканских и (мы попытаемся это показать) индейских черт. Более того, корни культа, как мы увидим в дальнейшем, уходят прежде всего именно в индейскую, а не в европейскую или африканскую традиции.

В трех провинциях острова, в которых нам довелось работать в 1987 г. (Гранме — части восточной области Орьенте, Пинардель-Рио и Гаване), мы записали множество рассказов про этого лесного исполина. Согласно нашим информаторам и фольклорной литературе, сейба — главный объект почитания в сельских районах в недавнем прошлом — считается покровительницей всего живого, способствующей плодородию людей, животных и растений. Ее называют Матерью деревьев и людей, Деревом божествен-

ной силы, Деревом, дающим жизнь, Благословенной, Священной, Матерью мира, Небесным столбом. Она служит жилищем и тронном главных божеств — и христианских, и афрокубинских. Дерево воспринимается как доброе и могущественное божество и одновременно существо с нежной и ранимой душой: «Сейба плачет, когда ей наносит оскорбление». Отношение к сейбе такое же, как и к большинству сакральных объектов: ее нельзя обижать — относиться непочтительно, срубать, колоть, обрывать листья (крестьяне, расчищая участки под посевы или пастбища, никогда не трогают сейбу). Только для лечения болезней у нее просят кору, ветки или листья. Сок, которым обильно пропитано все дерево, и дождевая вода, скапливающаяся в дуплах сейбы, считаются лучшим средством от всех недугов. Из древесины никогда не строят дома, не делают мебель, не вырезают посуду или орудия труда⁴. Только белыми шелковистыми волокнами, которыми наполнены плоды сейбы, набивают подушки. И тогда спящему снятся пророческие сны. До недавнего времени старики предпочитали не произносить вслух названия сейбы и употреблять эвфемистические ее имена взамен табуированных⁵.

Не только люди, но и звери, и все силы природы относятся к сейбе с благоговением: никто никогда не видел, чтобы ее спалила молния или повалил самый свирепый ураган. Все повторяют, что «молния уважает только сейбу и больше никого на свете»⁶. Кубинцы-католики всех цветов кожи называют сейбу «деревом Девы» и рассказывают легенды о том, как Дева Мария просила у пальмы плодов для младенца Иисуса. Но пальма отказала ей. С тех пор в наказание молнии раскалывают и сжигают пальмы. Сейба же отдала Деве шелк из своих плодов, чтобы завернуть младенца. В благодарность Мария одарила дерево крестом. С тех пор сейбы имеют форму креста. По другой версии, когда Мария, гонимая злыми людьми, просила у деревьев защиты (у пальмы, у лимонного дерева и т. д.), только сейба на крик Марии: «Откройся, сейба!» — приняла и спрятала в своем стволе мать и дитя и выставила против преследователей шипы. По третьему варианту легенды, Мария родила Христа в стволе сейбы. Шипы, покрывающие ствол и ветви молодого дерева, когда оно вырастает, остаются только на верхних поверхностях ветвей зубчатой бахромой. Их называют ножами и связывают с жертвенной кровью. Считается, что на Страстную неделю сок дерева превращается в кровь распятого Христа. В эти дни сейба «плачет кровью», из нее «сочится кровь».

Народная традиция наделяет христианскую Деву Марию и олицетворяющую ее сейбу чертами древней богини дождя и плодородия и еще более архаичной хозяйки—покровительницы лесных животных. Многие старики верят, что сейба-Дева повелевает дождями: она вся наполнена ими, а под ее корнями — большое озеро или источник. До революции во время засухи со всей округи собирались сотни людей и поздно ночью с зажженными свечами в руках шли к сейбе, обходили ее вокруг и молили, став на колени, о дожде и урожае. В горах Орьенте около сейб и на значительном

расстоянии вокруг них в старину изобиловала дичь: здесь никогда не охотились, так как считалось, что это священные места богини и охраняемых ею зверей.

Сейба играет центральную роль в синкретических афрокубинских культах, отправляемых за редким исключением потомками африканских рабов, — «Законах Оча» (сантерии, или религии йоруба), «Законах леса» («Пало монте», или «майомбе»), культе абакуа и в религии араара Дагомеи. По мнению большинства современных кубинских историков и фольклористов, почитание сейбы распространилось по Антильским островам вместе с неграми-рабами. От них оно перекочевало в христианскую традицию, которая прибавила к африканской лишь то, что священное дерево превратилось в один из персонажей библейского цикла рассказов про Деву Марию¹.

Действительно, сейба для привезенных на Антилы рабов стала эквивалентом, заместителем священного баобаба — похожего на сейбу толстого гиганта*. Хозяина сейбы сантеро и араара называют Ироко — «Тот, который храпит». Ироко, храп которого ассоциируется с громом, считается ипостасью Чанго — бога грома и молнии, одного из главных богов пантеона у народов Западной Африки. Жена Ироко — огромная Змея, живущая на дереве, воплощение Радуги. В Дагомее Змею-Радугу — Богиню Вод — олицетворяет жрица бога-громовержца, обитающего на священном баобабе у храма богини.

С сейбой на Кубе связан не только Чанго. Она служит жилищем и для других почитаемых фигур афрокубинского пантеона: богов дождя, грома и молний, рек и морей, гор, лесов и зверей, плодородия и растительности, покровителей земледельцев, охотников и рыболовов. В честь этих богов у сейбы проходят все самые важные церемонии сантеро, палеро и абакуа: жертвоприношения животных для обеспечения дождей, урожая, излечения от болезней, посвящение в сан иерархов культа. Поскольку сейба считается средоточием всех магических жизненных сил, инициации и свадьбы совершаются возле нее. По той же причине большие и новорожденные, а также атрибуты культа (барабаны, жезлы, трещотки, сосуды, скамеечки, ожерелья и проч.) помещаются под сейбу — «подзарядиться» от силы предков и богов.

Священная сейба, самая почитаемая на острове, растет в сердце столицы — на главной и самой старой площади в историческом центре Гаваны (рис. 1). Ежегодно 16 ноября, во время торжеств по случаю основания Гаваны, к сейбе стекаются тысячи паломни-

* Это утверждение — верное по сути — давно стало общим местом в работах по афрокубинским культам. Небольшое уточнение в этот вопрос вносят африканисты: на родине антильских негров почитается не только баобаба, но и любое высокое дерево с пышной кроной, в том числе и сейба. В Бразилии священным деревом местные негры считают жемелейру из рода фикусовых. Причем сами по себе деревья необязательно священны: они превращаются в объект культа, только когда в них обитает бог⁸.

ков со всех концов страны. Вереницы верующих, среди которых встречаются женщины, желающие зачать, обходят вокруг священного дерева, творя молитвы и совершая магические действия для обеспечения дождей и плодородия**. В этот же день палеро и сантеро отмечают праздник сейбы и крещение бога плодородия и рек Аггаю, который считается отцом покровителя Гаваны Сан Кристобала — одного из главных хозяев и жильцов сейбы. Участники торжественных церемоний совершают обряды приветствия и кормления священного дерева. В этот день в случае необходимости производят посадку новой сейбы.

Для кубинцев-католиков 16 ноября — праздник святых патронов столицы Сан Кристобала и Девы Пилар. Статуя Девы установлена на вершине каменной колонны, стоящей перед сейбой. Гельефное изображение сакрального дерева украшает обелиск. Как сообщает мемориальная надпись на колонне, ее водрузил губернатор Гаваны Франсиско Кахигаль в 1754 г. «в память и в честь» погибшей сейбы, под которой, по преданию, по случаю основания города была отправлена первая месса и собрался первый городской Совет. Эта же сейба, согласно легенде, дала приют первым рабам, привезенным на Кубу, и сама столица была основана под ней. Надпись составлена по-латыни, что также подчеркивает неординарность события, особую его торжественность.

Ни Аррате, ни Песуэла, ни более поздние историки Кубы — Гайт, Карбонель, Чакон-и-Кальво, Роиг-де-Лечсеринг, работавшие в Генеральном архиве Индий в Севилье, — не могли найти никаких подтверждений этому историческому событию — отправлению первой мессы и собранию духовных и гражданских глав под сенью сейбы. Поэтому был сделан вывод о том, что легендарная сейба вообще не существовала и не росла на главной площади города до 1754 г. Воздужение губернатором стелы с надписью и посадка «новой» сейбы имели целью придать достоверность этому мифическому событию, сделать его фактом истории, обосновать сооружение храма в честь святого патрона и Девы-покровительницы, утвердить традицию празднования славного дня основания Гаваны¹⁰.

Однако кубинские историки ошибались, полагая, что только реальное событие могло породить указанную легенду: она структурно и семантически идентична универсальной мифологеме о священном дереве в центре мира, поэтому для ее возникновения исторический прецедент в принципе был не нужен. Кроме того, священная сейба на главной площади столицы росла и до установки памятного обелиска. На карте Гаваны, недавно обнаруженной в Генеральном архиве Индий в Севилье и точно датированной 1647 г.

* Хотя гаванской сейбе более двухсот лет, она, однако, значительно меньше других, даже более молодых, своих сородичей. Видимо, повторяющиеся из года в год магические действия мешают дереву расти: верующие притаптывают землю у корней, отламывают кусочки коры, мочатся по ночам у подножия сейбы, чтобы вызвать дождь, и т. д.

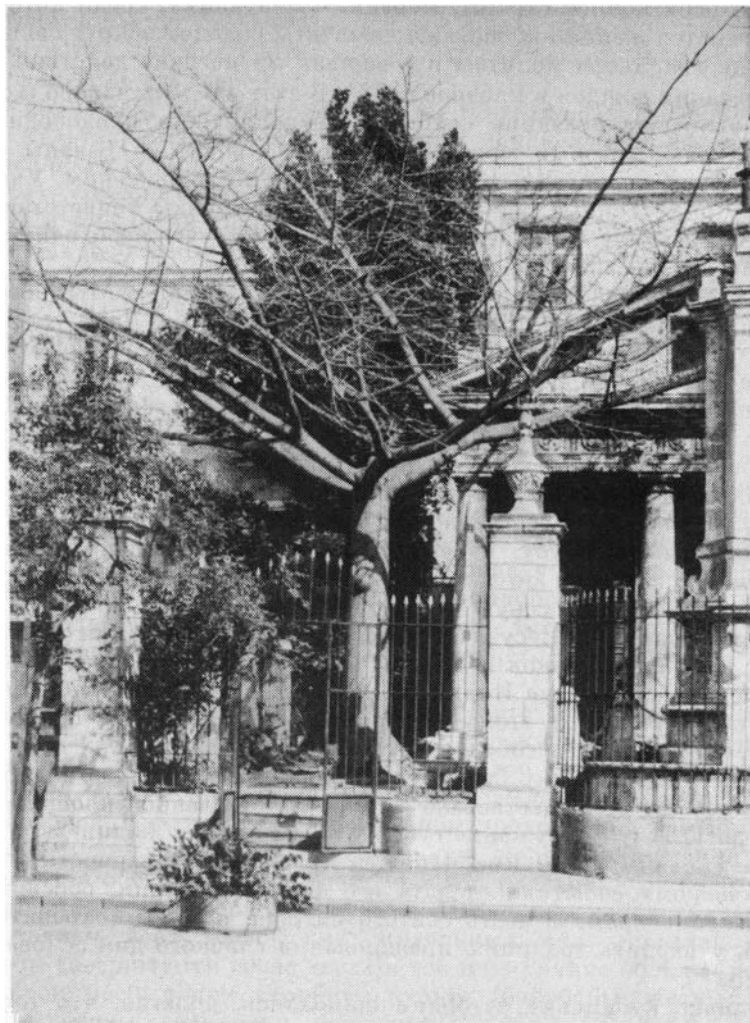

Рис. 1. Священная сейба на главной площади Гаваны

(рис. 2)*, только три главных объекта, находившиеся на центральной площади города, обозначены рисунками (остальные здания изображены в виде прямоугольников): крепость—Кастильо, главный собор и сейба перед ними, на том же самом месте, где растёт и сегодня. Позже облик главной площади Гаваны несколько изменился. На месте собора был построен Паласьо де лос Капитанес Хенералес (Дворец Совета старейшин, Государственное соб-

* Автор благодарит сотрудницу Музея истории города Гаваны д-ра Райду Мару Шуарес Порталь, любезно предоставившую копию карты для публикации.

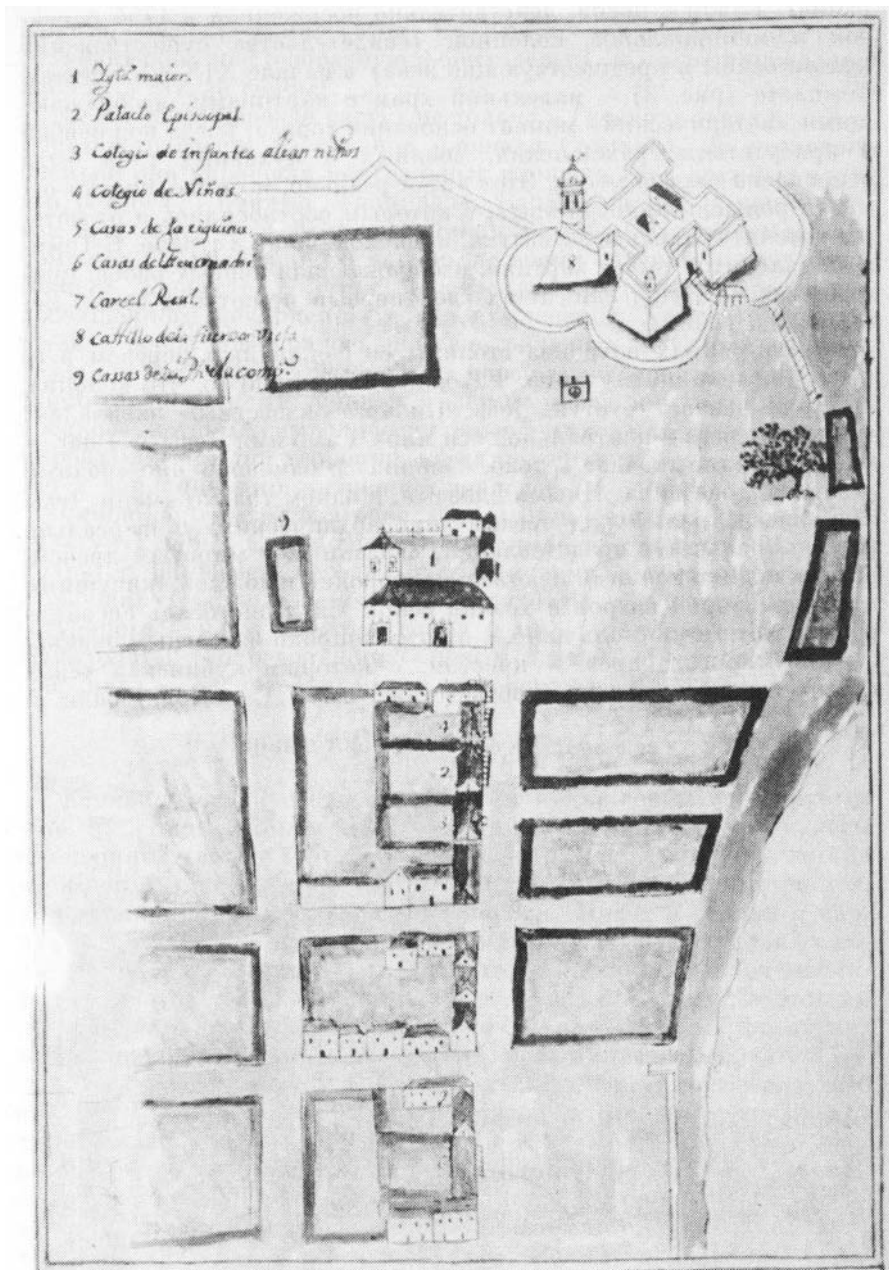

Рис. 2. Карта Гаваны 1647 г. (из Генерального архива Индий в Севилье)

рание). Рядом с новой, действительно посаженной в 1754 г. сейбой и мемориальной колонной (свидетельства существования культа сейбы в предшествующие века) в начале XIX в. сооружен Темплете (рис. 3) — маленький храм с картинами, изображающими «исторический» момент основания города, когда под сейбой в присутствии гражданских, военных и духовных глав была отправлена первая месса. Этот акт и реально, и символически отметил рождение «новой эры», с которым соотносились и от которого отсчитывались все события, происходившие в стране. В Темплете находится также картина, изображающая первых рабов, привезенных на Кубу, нашедших свой первый приют под сенью легендарной сейбы.

Связь святых патронов столицы со священным деревом в ее центре далеко не случайна. Глубоко символично то, что колонна, которую венчает статуя Девы Пилар, — известный эквивалент мирового дерева и центральной оси мира. Само имя Девы — Pilar — на испанском означает «столб, колонна» и одновременно «водный резервуар, бассейн». Иными словами, в одном только имени Девы зашифрован целый ряд чрезвычайно архаических, универсально распространенных представлений, связанных с мировым деревом, водами под его корнями и богами плодородия и дождей, живущими в кроне. Второй патрон и хозяин сейбы Св. Крестобаль ассоциируется, хотя и не столь явно, с другим широко известным эквивалентом мирового дерева — крестом, с которым кубинская сейба прямо соотносится (ср. соответствие имен Св. Крестобаль и

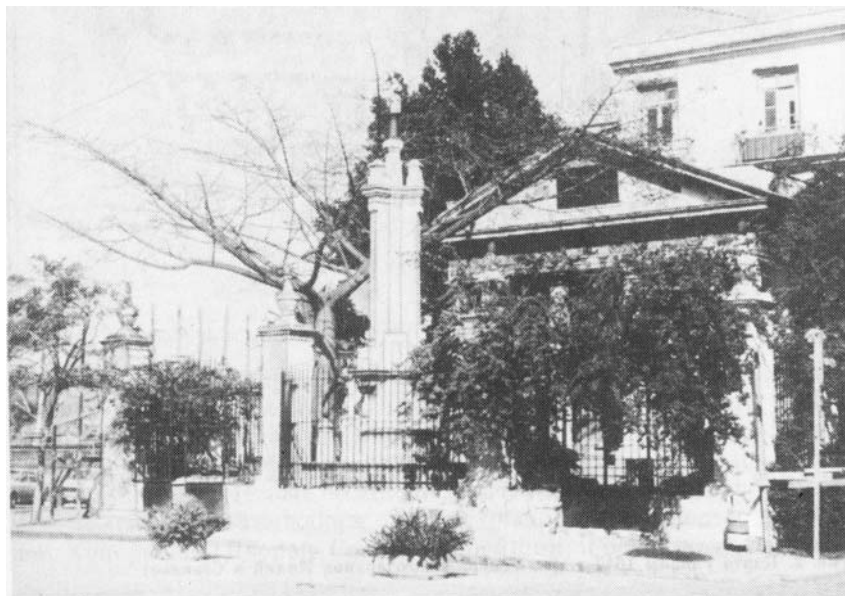

Рис. 3. Статуя Девы Пилар на мемориальном столбе у священной сейбы

Христа, связь крещения «отца» Св. Кристобаля с сейбой, легенды, объясняющие крестообразную форму дерева, и мифы о рождении Христа в стволе сейбы).

Священные деревья растут не только в Гаване и перед зданием Городского совета на главной площади Сантьяго. До недавнего времени они украшали центральные площади всех крупных городов острова — Байямо, Тринидада, Баракоа и др. В наши дни, как и прежде, по особым праздникам к сейбам направляются паломники. До революции 6 января, во время главного в году новогоднего торжества — «Дня царей» (католического праздника, посвященного поклонению волхвов младенцу Христу), на площадь к сейбе совершалось шествие ряженых¹. Самый веселый праздник года носил все черты карнавала, восходящего к чрезвычайно архаическому универсальному празднику «воплощения предков», который символически переносил его участников в центр мироздания и в дни творения, когда на земле жили предки, создавая и наполняя мир жизненной энергией.

Сейба как символ благоденствия и мира вошла в современную культуру Кубы. С помощью этого символа художник Мариано Родригес, например, передал идею единения, изобразив мужчину и женщину у ствола сейбы*, а президенты латиноамериканских государств — идею дружбы, союза и мира, посадив сейбу перед Капитолием (до революции — новым зданием Государственного собрания) — на новой площади, в новом «центре мира».

Черные карлики — духи деревьев

Если по историческим документам культ сейбы фиксируется уже на самом раннем этапе колонизации острова, то каковы его корни? Ответ на этот вопрос, как мы думаем, дает цикл легенд и сказок о «гуйхе-хйгуэ», по мнению кубинских фольклористов, «персонаже № 1 кубинской мифологии». Мифы и сказки о карликах гуйхе (так они называются в западных и центральных областях страны) или хйгуэ (в Орьенте) распространены очень широко по всей Кубе. Десятки рассказов, собранных нами, во многом дублируют сотни записей кубинских исследователей фольклора прошлого века и нашего времени, среди которых выделяется фигура Самуэля Фейхоо¹². В рассказах хйгуэ фигурируют как водные духи в облике карликов-негритят, значительно реже — карликов-индейцев. Они ассоциируются в основном с реками, озерами, пресноводными лагунами, ручьями. В некоторых районах считаются духами молний и дождей. Чаще всего они обитают в болотах и глубоких речных заводях, которые так и называются: «Омут Негритенка», «Болото Гуйхе». Во многих районах хйгуэ считается хозяином непересыхающего колодца. Когда из колодца берут воду, то говорят, обращаясь к нему: «С твоего разрешения!».

* Картина «Единение» (1938 г.) находится в Музее изобразительных искусств в Гаване.

Хигуэ так пугливы, что появляются из воды только ночью. Иногда их можно увидеть утром, когда они вылезают из воды на речные валуны подсушиться или погреться на солнце. При приближении человека тут же прыгают в воду. Питаются духи-карлики плодами деревьев.

По описаниям одних, у хигуэ черное или коричневое тело, длинные волосы на голове или по всему телу. По свидетельству других, у них лица младенцев или стариков, рожки, хвосты, иногда трава вместо волос. Существует множество поэтических переложений этих рассказов, например в «Легенде о Гуихе» знаменитого Н. Гильена. Менее распространены версии, по которым тело у этих созданий по цвету и форме напоминает лягушку. Записаны рассказы о гуихе полурыбе-полукарлике и гуихе с чертами змеи. В Матансасе существует легенда, согласно которой в гуихе превратились дети рабов, убитых и брошенных в затон Камахуани в прошлом веке. Этим объясняется черный цвет духов-карликов. Считается, что хигуэ иногда крадут детей и превращают их в маленьких водяных — таких же хигуэ. Во время карнавалов духи являются в селения повеселиться с людьми. Играя на музыкальных инструментах, они ходят из дома в дом, ночью танцуют в масках. На Страстной Неделе они участвуют в религиозных церемониях у алтарей.

Но не все рассказы столь благодушны. Крестьяне предостерегают вас от встреч с гуихе, которые далеко не всегда безопасны: нередко они злобны и мстительны, а иногда даже убивают взглядом и заглывают купающихся. Поэтому их порой называют духами зла. Владыкой хигуэ в прошлом веке считался Мабуйя, ставший аналогом христианского дьявола. Записанная в конце прошлого века в Байямо (Орьенте) легенда говорит о хигуэ как о ярых врагах христианства, поборниках старой веры, которые убивали индейцев, принявших веру завоевателей. Хигуэ смотрели на неопитов своими страшными глазами — и те умирали от чихотки и других неведомых ранее болезней. Этим, в частности, легенда объясняет массовую гибель индейцев после завоевания острова испанцами¹³.

Каким бы ни описывался хигуэ-гуихе, он всегда ассоциируется с водной стихией и, несомненно, является древнейшим хозяином рек, источников, колодцев. Кроме того, по нашим данным, дополняющим сведения Фейхоо и других фольклористов, хигуэ — это духи деревьев, а по происхождению они — воплощения душ умерших. Лингвисты А. Сайяс, Э. Пичардо и многие другие без колебаний относили оба слова — «хигуэ», «гуихе» — к индейским языкам (разногласия касались лишь того, к каким именно — аравакским или карибским). Этимология слов неясна, но связь их с деревьями очевидна. По данным Пичардо, «хагуэ», «хиго», «хигуэ» называют по всему острову разные породы деревьев (чаще всего высокое дерево из семейства акаций). Все эти названия сохранились в кубинской топонимике¹⁴. Упоминания о связи хигуэ-гуихе с сейбой в литературе редки. В сборниках Фейхоо только раз

говорится о связи хигуэ с гигантскими деревьями. Нам в Орьенте удалось записать лишь две истории, в которых жилищем хигуэ называются сейбы. Однако эти упоминания для нас чрезвычайно важны, так как в них кроется разгадка происхождения духов-карликов и того особого почитания, которым окружены сейбы.

По словам наших информаторов, маленькие черные хигуэ, вылетающие ночью из ствола сейбы, — это души умерших предков, которые слетаются сюда после смерти их хозяев. Поэтому черный цвет карлики приобрели не благодаря своему «африканскому происхождению», а но ассоциации с ночью и преисподней. Согласно представлениям, широко распространенным в тропических лесах на континенте, души умерших поднимаются вверх на землю из мира мертвых по стволам священных деревьев, прежде всего тех, которые классифицируются как мировые. Поэтому повсюду мировые деревья (в циркум-карибском регионе преимущественно сейбы) и их эквиваленты ассоциируются с душами умерших. Сейбы на Кубе, как и, например, у майя Юкатана, называются «деревом предков», а у кубинских палеро также «деревом преисподней». Сейба-Ироко, как считают сантеро, — главное место, где собираются души. Чем выше положение человека в социальной иерархии, тем быстрее его дух после смерти прилетит к Ироко. В дни праздника Святого Лазаря и его сантеристского аналога Бабалу Айе у корней дерева ставятся пища и питье для душ умерших. Ствол украшается кольцом из платков, связанных концами. Обряд кормления душ повторяется и в дни поминовения усопших.

В связи с верой в воплощение душ умерших в потомках (без такой реинкарнации считалось невозможным само зачатие) в прежние времена на Кубе женщины, желавшие иметь детей и особенно страдавшие бесплодием, молили сейбу — «Дерево Непорочного зачатия», «Дерево, дающее жизнь», — о «плоде», ребенке: «Урони мне в утробу семя». Считалось также, что если женщина сорвет ветку дерева и сососет его сок, то «станет толстой», т. е. забеременеет от сейбы¹⁶. Поскольку вокруг дерева и в нем самом обитают души предков, под сейбой последователи афрокубинских культов проводят (после революции — тайно) инициации — обряды «второго рождения», «праздник барабанов». Участники обряда, танцующие часы подряд под барабанный бой, доводят себя до экстатического состояния, понимаемого как одержимость духом предка, его вселение в тело иницируемого. По той же причине к сейбе приходят колдуны, чтобы найти себе духов-помощников — хигуэ. К ним же обращаются прорицатели, чтобы узнать будущее.

Наряду с представлениями о пребывании духов в преисподней существуют — и вполне закономерно — параллельные версии. Считается, например, что души прилетают с востока. Поэтому для большей эффективности моления под сейбой, кормление душ у ее ствола, срезание кусочков коры для приготовления лечебных и иных магических настоев должны совершаться на рассвете лицом к встающему солнцу (кора при этом берется с восточной стороны ствола)¹⁶.

О культе сейбы главный (но крайне неполный) источник по религии доиспанского населения Антиль, книга каталонского монаха Романа Панэ, написанная в середине XVI в., не сообщает ничего. Однако в ней мы черпаем важные, хотя и краткие сведения о душах предков. Р. Панэ пишет, что души мертвых — «опиа» — это ночные духи, живущие в деревьях и в изображениях богов («семи»). Днем они заперты, а ночью выходят, чтобы развлечься в компании живых родственников. Вместе с ними опиа справляют праздники. Духи мертвых — тени — не имеют пупка, и только этим их облик отличен от живых. Жилище умерших находится в мифической долине, где души встречаются со своими предками и остаются там навсегда. Для общения с духами антильские шаманы отправляются к святым местам, в том числе к деревьям. Здесь они вдыхают наркотический галлюциногенный порошок, обеспечивающий контакт с духами, витающими у стволов¹¹.

Данные Р. Панэ дополняют рассказы, собранные в конце XIX в. в провинции Сьенфуэгос П. М. Эрнандесом. Согласно им, блуждающие ночью по лесам души умерших — «оперито» или «упиа» (опиа Панэ) — в человеческом обличье, но без пупка, могли принести несчастье. Этим душам предлагались плоды священного дерева бага. В то время года, когда дерево особенно щедро плодоносило, индейцы справляли праздник в честь душ умерших. Процессии отправлялись к местам погребения предков с корзинами, полными плодами бага⁸.

Какие представления связаны с бага в настоящее время, с какими именно плодами ассоциируются души умерших, мы не знаем. Наши информаторы лишь подчеркивали, что это особые, волшебные плоды. Такими же волшебными фруктами питались, по свидетельству Панэ, и души опиа: днем они превращались в камни, а ночью снова в плоды. В этом сообщении для нас еще один ключ к пониманию природы духов опиа, точных аналогов хигуэ-гуихе. Понятия «камень» и «пещера» в аравакских языках, на которых говорили аборигены Кубы, передавались одним словом — «сиба» (отсюда «сибоней» — «люди пещер», индейский этноним эпохи конкисты). Из священной пещеры, согласно Панэ, вышли первоуредки антильцев, а живущая в пещере богиня Луны Маройя, по данным Эрнандеса, создала из плодов дерева первую женщину, мифическую прародительницу. Ее имя — Хагуа («источник, ручей, начало») — говорит само за себя¹⁹. Пещеры и мировые деревья (в разных своих вариантах, будь то сейбы, плодовые или иные сакральные отмеченные деревья) не только на Антилах, но и по всему циркум-карибскому ареалу ассоциируются с предками и богами плодородия. Они считаются жилищем умерших и богов и одновременно дверями земли, входом в преисподнюю — обитель предков. Поэтому не случайно в приведенном выше мифе акт творения богини вод Хагуа совершается ночью и плоды выбираются черного цвета.

Души умерших, они же духи деревьев, связаны еще с одним важным, ныне уже почти забытым персонажем кубинского фольк-

лора, Матерью Вод. Мифы об этой древнейшей хозяйке вод и дождей и карликах хигуэ, по мнению многих фольклористов, еще в недавнем прошлом относились к главным и наиболее распространенным сюжетам кубинской мифологии. Духи-карлики и Мать Вод обитают нередко вместе в самых глубоких озерах и речных омутах. Мать Вод, которую описывают то как гигантскую змею с телом толщиной с пальму, огромной пастью и рогами, то как иолуженщину-полурыбу, заглатывает все, что появляется в ее водоеме, в том числе и людей. Считается, что тот, кто увидит Мать Вод, схватит лихорадку, а кто выстрелит в нее — умрет. Там, где она обитает, водоем никогда не пересыхает. По святым пятницам к водоемам Матери Вод, сантеро приносят дары для богини. Ряд рассказов связывает образы сейбы и Матери Вод в образе огромной маха (вид удава), которая живет в кроне или у корней дерева. В нескольких версиях сейбы описываются со стволом-змеей, а хигуэ — либо как маха, либо как змеи с лицом человека. Ассоциация сейбы со змеями еще более усиливает ореол загадочности и таинственности, окружающий это дерево. В Камагуэе и Сьенфу-эгосе крестьяне рассказывают о голубоватом свете, озаряющем сейбу, о таинственных огнях, мерцающих в кроне, и змеях, летающих вокруг²⁰.

Наиболее полные тексты о сейбе и связанных с нею персонажах, дополняющие антильские версии, записаны этнографами у араваков и карибов в бассейнах Ориноко и Амазонки. В мифологических представлениях местных индейцев сейбы, называемые «предком народа», играют одну из центральных ролей. С ними связан «народ рыб» — ночные карлики, водные духи, они же — души умерших, днем превращающиеся в рыб. Это ближайшие родичи людей, ибо и те, и другие, подобно остальным существам на земле, были созданы в эпоху творения из ствола мифической сейбы и кормились ее плодами. По несколько иной версии, щепки сейбы, которую рубили боги, падая в воду, превращались в рыб, а на земле — в людей и лесных животных. Вспомним, что кубинские карлики-водяные в отдельных версиях имеют черты рыб, а маха, живущая на сейбе, согласно мифу, записанному в Орьенте, разрубленная на куски, падает в воду и превращается в рыб. Ассоциация ствола мирового древа со змеиным телом, водой и рыбами внутри него четко прослеживается в индейских мифах от Гран-Чако до Мезоамерики. Варрау и араваки считают ночных карликов опасными древесными духами и описывают их как черных и волосатых лесных демонов, подобных кубинским хигуэ. Водные духи — «народ рыб» — обычно либо добры, либо нейтральны, а ночные карлики почти всегда злы. Но те и другие суть разные воплощения душ умерших, связанные с сейбами. У араваков Гвианы на мифических сейбах живет главный дух-покровитель, Великий Хозяин, повелевающий карликами и дождями, а также обвившаяся вокруг ветвей мифическая змея, ассоциируемая с радугой и дождями. Она, подобно кубинской Матери Вод в облике змеи, пожирает проходящих мимо людей²¹.

Аналогичные представления распространены и у западных соседей антильских индейцев — майя. Священные сейбы, росшие в эпоху конкисты на главных площадях во всех селениях майя, считались представителями и родичами мифической сейбы — «Небесного столба», «Семенного Первого Дерева» — и играли исключительно важную роль в космогонических представлениях, мифологии и религии майя. Концепция мирового древа отразилась здесь в языке, словесных, изобразительных и ритуальных текстах разного рода, архитектуре, планировке поселений, социальных структурах. Образно говоря, ось мира, которую олицетворяла собой сейба, являлась стержнем функционирования майяской культуры в целом. Мифическое дерево, соединявшее все сферы мироздания, росло в раю главного бога дождя, покровителя земледельцев, и служило ему обителью и тронем. В кроне, обвившись вокруг ветвей, обитал Небесный змей — олицетворение облаков, у ствола собирались души предков, а также карлики — духи дождя. Поэтому у ствола священной сейбы заседал совет общины, проходили инициации, церемонии передачи власти и другие важные обряды, приносились жертвы по торжественным случаям, в том числе отправлялись посланники к богам с просьбами о дождях и урожае. По большей части эти представления сохраняются в майяских деревнях по сей день. Матери, например, и сегодня советуют своим дочерям держаться подальше от сейбы, иначе их груди могут «наполниться молоком», т. е. дух предка, живущий в дереве, может оплодотворить их²².

Приведенные выше материалы современные кубинские фольклористы оставляют обычно без внимания. Завороженные авторитетом знаменитого Фернандо Ортиса, они видят в культе сейбы, представлениях о Матери Вод и духах хигуэ прежде всего африканские корни и в один голос отрицают наличие индейского субстрата в духовной культуре кубинцев. «То, что мы знаем о религии тайно (аборигенов. — *А. Б.*) Кубы, — писал известный этнограф Исаак Барреаль, — позволяет утверждать, что ничего из нее не вошло в комплекс современных верований кубинцев. В отличие от других латиноамериканских наций культурный вклад наших аборигенов — почти нулевой»²³. По мнению большинства этнографов и фольклористов, которое уже приводилось нами, культ сейбы, привезенный на остров африканскими рабами, быстро распространившись по стране, был воспринят испанскими колонистами и испаноиндейскими метисами. Сейба превратилась в объект почитания для всего населения, в том числе и для китайских эмигрантов и их потомков (священное дерево у них стало ассоциироваться с тронем богини плодородия Санфан Кон). Сначала Ортис, Бачилер-и-Моралес, Фейхоо и многие другие исследователи, опираясь на мнение лингвистов, склонялись к тому, что хигуэ «рожден воображением индейца». Однако позже Ортис провозгласил, что хигуэ — это камерунский карлик «хиве», «хивуе» («дух-хозяин, обезьяна, дьявол»), и вслед за ним все стали называть Африку родиной кубинского «негритенка».

Фейхоо хотя и утверждал, что сходство индейских названий деревьев и духов умерших на Кубе и африканских духов-карликов случайно, но в остальном он разделял общепринятую точку зрения²⁴.

Однако все исследованные нами материалы свидетельствуют в пользу нашего тезиса о том, что, во-первых, черные кубинские карлики хигуэ — это души предков, связанные со священными деревьями и дождями; во-вторых, аналогичные представления по сей день бытуют у индейских народов тропической Америки, являясь составной частью традиционных индейских мифологий. К такому же выводу еще в начале века пришел известный британский этнограф У. Рот, изучавший верования и фольклор индейцев Гвианы и Суринама. В 1915 г. исследователь писал, что представления, связанные с сейбой, в научной литературе неправильно интерпретируются как заимствованные индейцами у лесных негров (беглых рабов, поселившихся в сельве); негры и индейцы равно почитают сейбы, поскольку они связаны с душами предков, однако, судя по распространению и значению культа сейбы у многих народов Амазонии и Мезоамерики, это чисто

американский феномен²⁵.

В настоящее время после публикации источников XVI в. с оригинальными текстами древнейших индейских мифов (например, мифа юкатанских майя о борьбе богов и небесных столбов — мировых деревьях) и исследования иконографии мировых деревьев у древних народов Мезоамерики (например, священной сейбы на рельефах и росписях майя) последние сомнения в доиспанских корнях культа сейбы в Новом Свете, в том числе на Кубе, могут быть окончательно оставлены.

Мифы о потопе и древе изобилия

После всего сказанного выше у нас есть все основания утверждать, что главные персонажи кубинского фольклора восходят к индейской традиции. На Кубе до сих пор сохраняется пласт индейской культуры, имеющий четкие аналогии в традициях аборигенных народов тропической Америки. В научной литературе близкие параллели между мифологиями индейцев Антиль и народов от Мезоамерики до Гран-Чако отмечались неоднократно. Особенно близкие сюжеты, как и можно было ожидать, встречаются у араваков и карибов Ориноко и Амазонки, откуда шло заселение Антильских островов. Более территориально отдаленные аналогии — вне циркум-карибской культурной области — очерчивают древнейший ареал культурно-исторической и хозяйственной общности земледельцев тропических лесов Америки, внутри которого тысячелетиями осуществлялись разнообразные контакты, в том числе обмен сюжетами мифов²⁶. Однако никто из исследователей, насколько нам известно, не отметил тот факт, что модифицированные варианты доиспанских мифов продолжают бытовать на Кубе и в наши дни. Приведем известный миф,

записанный Панэ, и его позднейшие версии. Один из мифических прародителей антильских индейцев, Йайа, убивает своего сына, кости его кладет в калабасу и подвешивает ее к потолку хижины. Кости превращаются в рыб. Герои-близнецы берутся оба за калабасу, она падает и разбивается. Из нее бьют потоки воды, выплескиваются рыбы. Вода из калабасы затопляет весь мир (о бытовании среди антильцев мифа о потопах сообщали многие колониальные авторы, начиная с Лас Касаса)²⁷.

Прямая параллель этому мифу записана в Сьенфуэгосе в конце XIX в. Эрнандесом: от брака Амао, первого мужчины, рожденного Солнцем, с Гуанароккой, первой женщиной, рожденной Маройей — Луной, богиней ночи, влаги и любви, родился Имао, первый ребенок. Амао из ревности решил погубить младенца и унес его высоко в горы, где тот умер от голода и жажды. Чтобы скрыть содеянное, Амао спрятал труп ребенка в плод гуиры, который повесил на дерево. Гуанарока после долгих поисков нашла плод, заглянула внутрь и от горя уронила гуиру. Плод разбился, и из него стала хлестать вода, залившая все вокруг. Появились рыбы и черепахи. Из рыб получились реки области Хагуа, из черепах — перешеек Махагуа, из соленых слез Гуанароки образовалось озеро того же названия²⁸. Имя индейской богини плодородия и влаги впервые появилось в труде Панэ, сообщавшего о священной пещере на Эспаньоле (Гаити), из которой, согласно преданию, вышли первые люди и светила. В ней находились два главных семи, к которым совершались паломничества во время засухи. Один из идолов назывался Маройей²⁹. То, несомненно, была статуя богини Луны, имя которой сохранялось в кубинском фольклоре в прошлом веке.

Нами в провинции Гранма (Орьенте) недалеко от Байямо записан лишенный подробностей и имен упрощенный вариант того же мифа: мужчина убивает своего сына, прячет его тело в гуиру, плод вешает на дерево. Но тяжелый плод падает, разбивается. Из него появляются рыбы и бьет вода, превращаясь в реки³⁰. Здесь показательно не только полное совпадение в отдельных деталях всех трех текстов (калабаса/гуиры, в которую спрятан убитый мальчик, подвешена к крыше/повешена на дерево: мировое дерево — символический эквивалент центральной мировой оси и центрального столба жилища, как крыша — кроны дерева и небесного свода), но и систематичность аналогий, приуроченность их к древнейшему, широко распространенному по всей тропической Америке сюжету (совершенно непонятному нашему информатору из-за отсутствия мотивировки убийства).

В мифах народов Мезоамерики и многих племен Амазонии и Ориноко мотив потопа связан с сюжетом рубки мирового дерева³¹. Его полый ствол связан с подземным источником или рекой. Из поваленного ствола (в мифе южноамериканских акавай), наполненного водой и пресноводными рыбами, начинает бить вода, наводняя мир. Срубленное по велению Творца дерево (в мифе куна) превращается в большую реку и огромное озеро, из ствола

возникают первые рыбы, ящерицы, черепахи. Под корнями мирового дерева — сейбы (в мифе майя Юкатана) находится огромный колодец. Боги много раз срубают сейбу, но она вырастает вновь. Миштеки изобразили этот сюжет в пиктографическом кодексе Боржия (XIV в.): из сруба поваленного богом мирового дерева бьет вода, заливая все вокруг. По словам кубинских сантеро, одна лишь сейба выстояла в водах вселенского потопа.

Самые прямые и развернутые аналогии в доколумбовой американской мифологии имеет сюжет записанной нами в Эль-Хибаро (Гранма, Орьенте) волшебной сказки, корни которой восходят к известному сюжету первобытного мифа о древе изобилия — варианте мирового дерева: в волшебной долине растет огромное дерево, всегда покрытое плодами мамея (сапоте), гуаябы, гиляндами бананов, ананасов, корне- и клубнеплодов (ньяме, маниоки, бониато и др.). Тот, кто найдет его, будет вечно счастлив и сыт. В мифах многих земледельческих племен от Юкатана до Амазонии (прежде всего в северо-западной Колумбии, Гвиане и Венесуэле) древом жизни и изобилия, на ветвях которого в эпоху творения росли все культурные растения мира, является сейба.

Факт бытования в наши дни в Орьенте отдельных сюжетов доиспанской мифологии нам представляется очевидным. Можно лишь с сожалением констатировать, что систематических этнографических и фольклорных исследований в восточных провинциях острова не проводилось.

Только отсутствием таких исследований можно, по-видимому, объяснить популярность многих не выдерживающих критики положений в работах по афрокубинской фольклористике. Вот, например, одно из них: записанный Эрнандесом миф о Гуанароке, по мнению Фейхоо, имеет близкие аналогии в мифе йоруба о творении богов, так как в нем действуют те же самые персонажи — Солнце, Луна, их дети; из груди африканской богини Луны бьют два потока воды, из ее живота выходят среди прочих боги рек. Однако аналогии эти явно натянутые, как и отмеченное Фейхоо и Ортисом, фонетическое соответствие имен богов Солнца йоруба и антильцев: Орун и Уйон¹². Сравнительный анализ показывает, что в целом африканская фольклорная традиция имеет мало общего с индейским фольклором, в то время как в афрокубинском — немало явно индейских заимствований. Испанская же традиция очень далека от индейской. Сравнивая индейскую и африканскую религии и мифологии, можно с уверенностью говорить о том, что близкие черты в культуре народов тропического пояса обоих континентов (взаимовлияния в доколумбов период исключаются) развились конвергентно благодаря близости экологических, хозяйственных и социальных условий в обоих регионах, а также из-за единых для всего человечества архетипов мышления. Это справедливо для представлений, связанных с душами умерших — водяными карликами, культом священного дерева, ассоциируемого с душами предков и с богами плодородия и дождя, для связи образов мирового дерева и змеи-радуги и т. д. Показательна большая близость обрядности и культа майя и йоруба — стадий-

но однотипных обществ, — связанных со священным деревом. В последнем заключена главная жизненная субстанция — души предков: оно — жилище богов, в том числе богов дождя и грома — главных покровителей земледельцев в тропиках³³. Поэтому структурно и семантически многие ритуалы майя у священного дерева (например, инициации) близки обрядам народов Западной Африки, кандомбле бразильцев и другим афроамериканским культам.

В пределах Америки независимое появление сходных черт культуры, в том числе мифов, не исключено, хотя оно менее вероятно, чем предположение о древнейших культурных связях. В пределах Циркум-карибского культурного ареала и шире — в древнейшей хозяйственно-культурной общности земледельцев тропической Америки — возможность конвергентного развития сходных черт культуры минимальна, поэтому неудивительно обнаружить на Антилах, Юкатане и в Амазонии очень близкие версии мифов и схожие ритуалы.

Параллели в культе сейбы на Юкатане и Антилах дают важный материал для размышлений и еще раз поднимают проблему антило-юкатанских контактов. Археологи, как известно, отрицают возможность даже спорадических контактов между Юкатаном и Кубой, хотя их разделяет неширокий (120 км) Юкатанский пролив: сильнейшие течения и ветры делали его непреодолимым для каноэ антильцев и судов майя. К тому же какие торговые интересы могли толкнуть майя на опасное путешествие, что могли предложить им полукочевые охотники и собиратели Западной Кубы? Однако майя и индоантильцы были прекрасными мореходами (хронисты сообщали о больших лодках на 40—50 гребцов, которые выходили в море под парусом и без него). Для них опасный пролив и полное рифов, бурное, с частыми ураганами Карибское море хотя значительно затрудняли прямые контакты, но не могли прервать их совсем. В хрониках майя «Чилам Балам» говорится о нападении на Юкатан с моря «каннибалов», видимо, карибов с Малых Антильских островов. Есть сведения об антильцах в Веракрусе и Табаско перед самой конкистой. Индейцы с южного побережья Кубы рассказывали Колумбу в 1494 г. о большой земле в десяти днях пути по воде на запад — несомненно Юкатане, где жители ходят одетыми (в отличие от наших антильцев). Имеются данные о неоднократной высадке на Юкатане матросов с потерпевших крушение испанских судов, шедших с Эспаньолы на Кубу.

Конечно, керамический сосуд майя конца I тыс. н. э., ольмекская нефритовая статуэтка I тыс. до н. э. и несколько кусков обработанного гватемальского обсидиана, найденные на крайнем западе Кубы, мысе Сан-Антонио, могли быть занесены сюда случайно (во время кораблекрушения, например). Однако не свидетельствуют ли глинобитные площадки-стадионы и каменные атрибуты для игр в мяч, которых не знали также игравшие в мяч араваки и карибы Ориноко и Амазонки и которые были широко распространены по всей Мезоамерике и Большим Антилам,

о том, что мы плохо представляем себе, как распространялись идеи по континенту и архипелагу? ³⁴ Майяские иероглифические надписи в пещерах на Малых Антилах (острова Бонайре, Кюрасао, Аруба) в 2 тыс. км от Юкатана, оставленные, вероятно, купцами-майя, указывают на радиус прямых влияний майяской культуры и наиболее вероятный путь майя на Антилы: вдоль побережья Гондураса, Никарагуа и Коста-Рики, затем по Антильской дуге островов на северо-запад. Влияние майя могло сказаться и в некоторых чертах культа сейбы на Больших Антилах, в частности на Кубе. В обоих регионах сейба не только трон богов, но и алтарь для жертвоприношений им. И майя, и антильцы уделяют особое внимание шипам сейбы: на Кубе они называются «ножами» и ассоциируются с кровью, в которую превращается сок дерева во время религиозных праздников. У майя кровопускания совершались с помощью веревки, утыканной шипами, по случаю наиболее важных календарных праздников и политических событий. Они происходили в символическом «центре мира» — на главных площадях городов и селений, у символического эквивалента «первого дерева мира», священной сейбы. Поэтому сосуды для жертвенной крови, как и алтари и курильницы, изображались с шипами сейбы или в виде колючих пней священного дерева.

Имея доказательства индейских корней культа сейбы в циркумкарбиском ареале, а также свидетельства раннеколониального времени о священных сейбах на главных площадях двух кубинских столиц — Гаваны и Сантьяго, основанных, как известно, в центральных поселениях местных индейских «касикасго» — протогосударств, у нас есть все основания полагать, что священные деревья украшали главные площади индейских поселений до появления на острове испанцев, тем более африканцев, и утверждать, что культ сейбы на Кубе восходит к индейской традиции.

Индейцы в колониальной истории Кубы

Почему же все-таки близкие аналогии между кубинским фольклором и индейской мифологией не натолкнули ученых на такую, казалось бы, лежащую на поверхности мысль? Тому есть особые причины. Во-первых, авторитет Ортиса, отстаивавшего идею о преимущественно африканских корнях современной кубинской традиции; во-вторых, твердое убеждение кубинских историков в том, что индейское население острова исчезло с такой быстротой, что фактически не успело оставить значительного следа в культуре пришедшего населения, т. е. имела место не транскulturация, а геноцид ³⁵. Исчезновение и ассимиляция индейцев на острове начались сразу после первых же контактов их с испанцами и происходили, как считают кубинские историки, столь стремительно, что существенный вклад аборигены внесли только в материальную культуру населения (обычно перечисляются местные культурные растения, до середины XIX в. служившие основными

продовольственными культурами, приемы земледелия, сельское жилище «боио», способы приготовления и некоторые виды пищи).

Попробуем разобраться в этом вопросе и реконструировать в общих чертах этнические процессы на острове в два первых века колонизации. Действительно, индейцы, особенно на побережье, исчезали с необычайной быстротой: умирали тысячами на рудниках и плантациях, от эпидемий, прежде всего оспы и кори. Распад общин, самоубийства, невозможность нормального воспроизводства (индеанки становились женами конкистадоров и испанских переселенцев) и сама малочисленность индейского населения явились причиной его быстрого поглощения завоевателями.

Все вышесказанное справедливо. Однако цифр у нас нет никаких. По самым приблизительным подсчетам (известное число памятников, помноженное на предположительное число жителей—?!), население острова составляло не менее 100 тыс. человек, по другим данным — до 1 млн. Кубинский историк Аскаррате Роселл считал, что к моменту конкисты на Кубе проживало около 600 тыс. аборигенов, к 1550 г. — времени отмены репартиментов — их осталось около 2 тыс. На цифрах 600—800 тыс. настаивают археологи, считающие вслед за американским ученым Роузом самые крупные поселения Орьенте (Варакоа, холмы Маниабон, Байямо и др.) центрами индейских протогосударств³⁶. Некоторые из них известны по письменным источникам. И хотя из документов явствует, что: 1) до конца XVIII в. переписи не проводились; 2) цифры численности индейского населения по XVI—XVII вв. не отражают действительности (они противоречивы и не охватывают даже всех поселений испанцев, которым вместе с землями были розданы индейцы); 3) в перепись 1774 г. индейцы и метисы не включены, так как подсчитать их во внутренних районах страны не представлялось никакой возможности; 4) в середине XVI в. в пяти городах Кубы, в том числе в Гаване, взрослое индейское население в среднем в пять раз превышало испанское, однако утверждение Пичардо Мойя о том, что, беглые индейцы (добавим: в горных районах также те, предки которых обитали там в течение тысячелетий) составили ядро сельского населения Кубы XVI—XVII вв., как правило, не принимается во внимание¹⁷.

Вопреки широко распространенному мнению данные археологии и лингвистики свидетельствуют о длительном сосуществовании «двух цивилизаций»: топонимия, до недавнего времени почти исключительно индейская по всему острову, и значительный корпус фито- и зоонимов (в настоящее время насчитывается более 600 индоамериканизмов, из которых около 400 из аравакского языка). Только в Орьенте археологи насчитывают более 30 поселений, в которых имеются несомненные свидетельства длившихся по меньшей мере два века испано-индейских контактов и процесса транскulturации. Таковы многие поселения Маниабона (Йяйяль, Пескоро, Очиле и Порвенир в провинции Ольгин),

Дамахаябо около Сантьяго-де-Куба, пещера Амбросио в Матансасе, пещеры в горах Кубитас. В Чорро-де Манта (Ягуахай, муниципалитет Баньес, Ольгин) контактное поселение существовало в течение XVI — начала XVII в. (в могильнике найдены датированные одним временем керамика и каменные орудия аборигенов, испанская майолика и металлические предметы). Ранние слои всех семи первых городов Кубы, основанных на месте больших индейских поселений (Баракоа, Байямо, Сантьяго, Тринидада, Пуэрто-Принсипе, Санти-Спиритус, Гаваны — и первого поселения на южном берегу, и перенесенного позже на северный берег в бухту Гавана), являются свидетельствами интенсивных и длительных контактов. Индейцы начинают изготавливать орудия труда и керамику переходных и близких к испанским форм, но по традиционной технологии. Испанцы строят по индейскому образцу «боио» и, возможно, пекут маисовые лепешки на плоских глиняных сковородах индейцев — буренах³⁸.

В 1509 г. испанский король издает закон, разрешающий работорговлю индейцами в Индиях. В 1511 г. на Кубу приезжает его губернатор Диэго Веласкес в сопровождении 300 испанцев и 600—900 индейцев с Эспаньолы. В это время на острове, как мы уже отмечали, насчитывалось не менее 600 тыс. индейцев. В 1517 г. завоевание Кубы было завершено. Первые «города» (вилли) представляли собой в определенной мере своего рода лагерь для индейцев на месте индейских селений и в зонах промывки золота. Вначале индейцы были единственной рабочей силой испанских землевладельцев. Очень быстро нехватка рабочих рук на полях и в рудниках вызвала необходимость ввоза индейцев с других островов и с материка; в основном ввозились лукайцы с Багамских островов, макори с Эспаньолы, индейцы из Флориды, Юкатана, Веракруса. Точными данными о численности рабов-индейцев мы также не располагаем, хотя их продолжали ввозить вплоть до середины XIX в., когда на Кубу были отправлены несколько тысяч юкатеков — участников антиправительственных восстаний («Войны рас») вместе с их семьями. Практически у всех первых испанских поселенцев жены были индеанки,

их тут же крестили и давали испанские имена.³⁹

В течение XVI в. об индейской крови своих детей знать города предпочитала не упоминать, и только в письме 1659 г. епископа Педро де Рейна Мальдонадо к королю и высшим церковным авторитетам в Мадриде говорится о метисной знати столицы. Епископ жалуется на монахов-францисканцев, приезжающих в Гавану на пути следования во Флориду. Монахи остаются в городе и всячески препятствуют возможности обучать в школе при монастыре и давать духовные звания уроженцам Гаваны и Гуанабакоа, называя их «неспособными индейцами», тогда как они — сыны города, дети индеанок и испанцев из «самых знатных и благородных фамилий»⁴⁰.

Указ о завозе негров-рабов в Индиях был издан в 1501 г., за девять лет до начала завоевания Кубы, и в 1502 г. первая

флотилия с испанскими колонистами и неграми-рабами прибыла на Эспаньолу. Сначала рабов привозили из самой Испании (рожденных там и уже, видимо, крещенных). Позже, особенно после закладки плантаций сахарного тростника, их стали ввозить из Африки. Отсюда они в 1521 г. были впервые привезены на Кубу. Первый крупный завоз черных рабов на остров состоялся в 1533 г. В 1544 г. во всех испанских поселениях негров-рабов насчитывалось около 700 человек⁴¹.

По спискам жителей, переданным главами городских советов епископу Диэго Сармьенто в 1544 г. во время его визита на Кубу, в четырех городах — Гаване, Байямо, Пуэрто-Принсипе и Санти-Спиритус — в этот период проживало 102 женатых испанца (жены в подавляющем большинстве — крещеные индеанки), 803 слуги из местных индейцев и 624 раба — индейцев и негров. Индейское население Баракоа, по другим источникам, в то время в пять раз превышало испанское. Индейцы Баракоа и Сантьяго-де-Куба после восстаний и из-за нежелания работать на рудниках и в поместьях в 1520—1521 гг. были изгнаны из этих городов, поэтому в Сантьяго, первую столицу острова, в 1521 г. завезли 300 первых рабов-негров⁴². Таким образом, кроме Сантьяго, все города Кубы в середине XVI в. — преимущественно индейские по своему составу. В них активно шел процесс метисации и постепенной аккультурации аборигенного населения.

В 1570 г. епископ Хуан дель Кастильо во время своего визита на остров получил следующие данные: в главных городах Кубы, включая Гавану, а также в Сабане и Гуанабакоа (неподалеку от Гаваны) проживало 300 человек индейцев, женатых преимущественно на индеанках, и большее число испано-индейских метисов. В 1620 г. епископ Альмендарис получил от городского совета Гаваны списки жителей страны, которые свидетельствуют о наличии большой испано-индейской метисной прослойки во всех городах острова и о появлении уже значительного числа потомков от браков между индейцами и мулатами (они составили основное население Тринидада). Свободных индейцев насчитывалось в то время уже не более десятка в каждом из городов (в основном это были домашние слуги), больше всего — в Гуанабакоа (около 200 человек, из них чистокровных индейцев 50). К концу XVI в. колонисты окончательно оттеснили индейцев с побережья острова во внутренние районы⁴³. Поэтому Лас Касас в 30—40-х годах XVI в. сетовал на то, что об истории и культуре аборигенов острова спросить уже не у кого⁴⁴.

Подавляющее большинство индейцев и метисов проживало в горах и работало по найму на сельскохозяйственных плантациях и на выпасе скота во внутренних районах страны. Всего в 1552 г., когда на Кубе были обнародованы Новые законы (через 10 лет после того, как испанская корона даровала свободу индейцам), по самым приблизительным данным, освобождению подлежало около 2 тыс. человек, из которых 1800 были местными индейцами. По мнению некоторых историков, их могло быть в два-три раза

больше. Обращает на себя внимание полное отсутствие данных по самой западной из кубинских провинций, гористой Пинар-дель-Рио, и внутренним горным районам Орьенте.

По переписи 1774 г. всех категорий «цветного» населения, свободных и рабов, в стране насчитывалось более 75 тыс. В 1789 г. испанской короной были сняты ограничения на работорговлю и на остров хлынул поток рабов из Африки. Только легально с 1512 по 1880 г., когда на Кубу пришло последнее судно с рабами, т. е. за три с половиной столетия, сюда было ввезено всего около 1 млн 300 тыс. негров.

В XVII в. основная масса африканцев, мулатов и прочих категорий «цветного» населения проживала в городах и при сахарных заводах, на плантациях сахарного тростника (во время сафры), табака, позже кофе, т. е. преимущественно в районах, близких к портовым городам. Проникновение креолов во внутренние сельские области происходило в основном в течение XIX в. В XVI—XVII вв. в сельской зоне, тем более во внутренних горных областях, негров практически не было. С полной уверенностью можно сказать, что все сельское население в XVI в. состояло из индейцев, белых и и метисов. Именно тогда сложились основные черты традиционной сельской культуры Кубы, явившей собою сплав индейской и испанской традиций. Более поздний и мощный пласт африканской традиции скрыл от глаз исследователей индейский субстратный слой в кубинской культуре.

Вслед за принятием Новых законов на месте или поблизости от старых индейских деревень были созданы несколько индейских резерваций— «насильственных поселений»: Гуанабакоа (селение недалеко от Гаваны; до конца XVIII в. мужчины из него призывались в гарнизон столицы для отражения атак корсаров и англичан; жители занимались гончарством и земледелием на небольшом участке земли, дарованном деревне городским советом Гаваны); Эль-Каней (на юге Орьенте, около Сантьяго-де-Куба; жители занимались земледелием и рыболовством; здесь в 1844 г. была провозглашена отмена привилегий, дарованных королевой Изабелой индейцам Америки, и с этого времени официальная кубинская историография считает, что индейцы на Кубе прекратили свое существование); Ольгин (маленькая деревня на севере Орьенте, недалеко от современной столицы одноименной провинции, возникшая как «насильственное поселение» в 1523 г., когда испанцы переселили сюда индейцев со всей округи; об индейцах в Ольгине источники упоминают до середины XVIII в.); Хигуани (большая деревня на берегу одноименной реки в провинции Гранма, между Байямо и Сантьяго, жители которой занимались земледелием). Кроме Ольгина, остальные деревни существуют и поныне. В них живут далекие потомки коренного населения острова, многие из которых вопреки распространенному мнению помнят о своем индейском происхождении. Очевидно, в отдельных районах Орьенте можно говорить об этнической непрерывности. Здесь, по подсче-

там Роуза, к рубежу нашего века в нескольких поселениях проживало около 400 индейцев⁴⁶.

В XVIII—XIX вв. в окрестностях Сантьяго и Сан-Луис-де-лос-Канейес (Эль-Каней) индейцы и метисы составляли более 7 % населения, в конце XVII в. — 200 человек. В пяти поселениях муниципалитета Байямо их насчитывалось около 300 (10 % населения). В конце XIX в. метисные семьи жили в горных районах Орьенте: в Йяре, вокруг Баракоа, в Дос-Брасос — деревне между Баракоа и Йятерас, Гуире, Эль-Канее, Хигуани, в деревнях Сьерры-Маэстры.

На востоке горной провинции Гуантанамо, наиболее труднодоступной и удаленной от промышленных и городских центров острова, индейское население, можно полагать, сохранялось дольше, чем в других районах. О численности его судить трудно; во всяком случае, в настоящее время в долинах рек Йятерас, Тоа, Моа и Каухери живут далекие потомки аборигенов острова. Их около трехсот человек, по хозяйству и культуре они ничем не отличаются от кубинских крестьян, но сохраняют практически неизменным свой антропологический тип, близкий к карликовым индейским группам Антиль и севера Южной Америки (рост мужчин в среднем 150 см, женщин 143 см). По данным серологии и антропометрии, они наиболее близки к низкорослым племенам венесуэльской Кордильеры-де-Периха — яруро, марака, аяяпа, ирапа и др., что свидетельствует о значительном числе и длительном сосуществовании чистокровных индейцев в горных районах Орьенте. Интересно отметить — все эти низкорослые кубинцы бассейна Йятерас, как и большинство кубинских индейцев в колониальную эпоху носят фамилии Рамирес и Рохас. Вероятно, их далекие предки были крещены в XVI в. и при крещении получили фамилии двух главных официальных своих покровителей — гражданского и духовного — капитана Мануэля де Рохаса, кузена губернатора Диэго де Веласкеса, и Мигеля Рамиреса, первого (с 1528 г.) епископа Кубы⁴⁷.

По мнению антропологов и археологов, крестьяне района Йятерас полностью утратили даже воспоминания о своей традиционной культуре и ничем не отличаются от окружающего населения. На наш взгляд, для столь категоричного утверждения нет достаточных оснований, так как степень ассимиляции этой группы совершенно неясна. Что сохранили и утратили потомки индейцев острова, что заимствовали у испанского и креольского населения, каковы были механизмы сохранения и наследования традиции, как протекал в прошлом процесс аккультурации — на все эти сложные вопросы должны ответить ученые, но, как мы отмечали выше, ни этнографы, ни фольклористы в горах Орьенте серьезно не работали.

Свидетельства длительного сосуществования аборигенов и колонистов в настоящее время найдены не только в Орьенте, но и в провинциях Камагуэй, Сьего-де-Авила, Лас-Вильяс, Матансас: «контактные» поселения, петроглифы XVI — XVII вв. со сценами

сражений между испанцами и индейцами и сценами охоты на крупный рогатый скот. Особый интерес представляет самая западная на острове провинция Пинар-дель-Рио, которую с V тысячелетия до н. э., по свидетельству археологов и хронистов, населяли группы охотников, собирателей и рыболовов, не знавшие земледелия и гончарства, потомки древнейшей волны переселенцев с континента. Колонизация и основание гаванцами первых городков в этой провинции начались только в XVIII в. Поздняя колонизация и экологические условия позволяли долгое время сохраняться в горах маленьким разрозненным группам индейцев, которым еще в конце прошлого века пещеры и гроты служили укрытием⁴⁸. Контакты с кубинцами в XIX в., видимо, были sporadическими, однако и они оставили след в устной традиции. Старики со слов отцов и дедов рассказывают о внешнем облике и жизни этих последних индейцев.

Все сказанное выше говорит о значительно большем, чем принято думать, влиянии индейской культуры на формирование культуры всей нации. Нет сомнения в том, что для испанцев, попавших в совершенно незнакомый для них мир, индейцы стали первыми учителями, научившими их выращивать корнеплоды и табак, печь касабе (хлеб из маниоки), вить веревки из агавы и плести сумки и корзины из листьев и волокон деревьев, делать посуду из плодов гуиры, строить жилища по образцу индейских хижин боно, открыли мир флоры и фауны своей страны. Глубокие знания природной среды делали индейцев крайне необходимыми и в XIX в. при прокладке дорог и поисках земли, пригодной для посева или выпаса скота. Когда возникала такая необходимость, индейцев и метисов приглашали в Кабильдо для совета или заключали с ними договор за поденную плату и отправляли в экспедиции для обследования местности⁴⁹. В устной традиции индейцы и сегодня продолжают фигурировать как лучшие знатоки природы. Многие из того, что современный кубинец знает о природе своей страны и силах, повелевающих им и ею, досталось ему от учителей и предков — индейцев.

В заключение хотелось бы особо выделить следующие соображения. Во-первых, контакты между индейским населением и пришельцами продолжались на протяжении всей колониальной истории острова. Полностью ассимилированы аборигенные группы были, по-видимому, только в конце прошлого века. В XVI в. на Кубе имели место разные типы контактов и культурных взаимодействий двух неравноправных систем — местной и пришлой. Один из них, названный специалистами колонизационно-симбиотическим, который преобладал во внутренних областях страны на протяжении первого века колонизации и в индейских резервациях до середины XIX в., оставлял для индейцев шансы на выживание. Второй — колонизационно-земледельческий, возобладавший в XVII в., обернулся очень большими потерями среди местного населения, которое сгонялось с земель и лишалось средств к существованию⁵⁰. Оставшиеся в живых индейцы переходили

к охоте и собирательству и скрывались в горных районах Пинардель-Рио и Орьенте. В отдельных, наиболее изолированных долинах они продолжали заниматься земледелием и жили, очевидно, маленькими группами — по две-три родственные семьи. Потомками этого населения являются карликовые группы бассейна Йатерас. Однако важно подчеркнуть, что контакт — вне зависимости от его характера — всегда предполагает и донора, и реципиента. В первый век колонизации, по нашему мнению, донором в большей степени выступала индейская культура.

Во-вторых, рассматривая культуру как коллективную память исторически сложившегося социума (а именно в этом качестве, как отмечает Ю. М. Лотман, культура передается от одного поколения к другому, вступает в контакты с другими культурами, переживает разнообразные видоизменения¹), можно сказать, что индейская культура на Кубе сыграла роль языка, которому в той или иной степени обучались усваивавшие эту культуру «иностранны» — испанские колонисты и африканские рабы. Восприятие последними индейского языка (в широком понимании) в значительной мере облегчалось тем, что структурно и семантически индейские и африканские культурные системы оказались близкими. Вероятно, более поздние напластования африканской традиции, скрывшие от глаз исследователей индейский субстратный слой, в немалой степени способствовали его консервации.

Факт индейской основы, как мы пытались показать, фольклорной традиции Кубы предполагает длительные контакты пришельцев с аборигенным населением. Индейская культура сохранялась в смешанных семьях и передавалась прежде всего метисами. Язык индейского фольклора, на котором вскоре заговорили испанцы, негры и потомки от смешанных браков с индейцами, состоял из текстов, сохранявших, подобно семенам растений, всхожесть и способность в новой среде реконструировать память о породившей их культуре. Продолжая сравнение Ю. М. Лотмана, можно сказать, что семена, посаженные в далеком прошлом индейскими предками современных кубинцев, дали мощный ствол сейбы и продолжают плодоносить в наши дни. Сейба, в культе которой тесно переплелись индейская, африканская и христианская традиции, по-прежнему в определенном смысле организует традиционное культурное пространство острова.

¹ Лотман Ю. М. К современному понятию текста // Семиотика культуры. Архангельск, 1988. С. 3—6; Понятие текста — одно из важнейших в современной семиотике. См.: Труды по знаковым системам. Тарту; Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1982; Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.

² Сейба — *Seiba pentandra*, сем. *Bombacaceae indigena* — аравакское название высокого дерева (высотой до 30 метров). Широко распространено по всему острову, а его разновидности — по всему тропическому поясу мира. Растет всегда поодаль от других деревьев, нигде не встречается группами. Гладкий мощный ствол пепельного цвета на самом верху венчают горизонтальные ярусы ветвей (под ними, по свидетельству Лас Касаса, могли укрыться от зноя 50 всадников на лошадях, а ствол едва обхватывала, взявшись за руки, дюжи-

- на мужчин). Ствол и ветви молодого дерева густо покрыты шипами. В корнях всегда содержится вода, а пористая древесина ствола пропитана соком. Живет до пятисот лет. Цветет в марте-апреле, сбрасывает листву раз в два-три года. Внутри плодов — маленькие семена, завернутые в шелковистые белые волокна. См.: *Pichardo E.* Diccionario provincial casi razonado de voces y frases cubanas. La Habana, 1976 [1836]. P. 547—549; *Roig y Mesa J. T.* Diccionario botanico de noinbres vulgares cubanos. La Habana, 1928. P. 640—641; *Las Casas B. de.* Apologetica historia sumaria. Mexico, 1967. T. 1. P. 72.
- ³ *Тоноров В. Н.* Дерево мировое // Мифы народов мира. М., 1987. Т. 1. С. 398—406.
- ⁴ Рациональное объяснение непригодности сейбы в хозяйстве см. в словаре Э. Пичардо (см. сн. 2): у дерева древесина мягкая и пористая, вся пропитанная соком. Эта особенность, а также горизонтальное расположение ветвей делают сейбу стойкой к электрическим разрядам, а мощный ствол и обширная корневая система — к ураганам.
- ⁵ *Garcia J. B.* La Ceiba de Ta Benito // Archivos del Folklore Cubano. La Habana, 1930. N 2. (Далее: AFC). *Cabrera L.* El Monte. La Habana, 1954. P. 25—29, 48—103, 151; *Idem.* Anago. Vocabulario lucumi. La Habana, 1957. P. 65, 78—88, 172, 274.
- ⁶ См. ч. 4.
- ⁷ *Ortiz F.* Hampa Afrocubana. Los Negros Brujos. Madrid, 1906. P. 132; *Idem.* Folklore religioso del cubano. AFC, 1924. Vol. 1, N 2. P. 172 — 173; *Barreal I.* Tendencias sincreticas de los cultos populares en Cuba // Etnologia y Folklore. 1966. N 1; *Cabrera L.* El Monte. . . P. 149—187, 205—220; *Idem.* Anago. . . P. 172, 274; Cuentos cubanos del siglo XIX; Antologia. La Habana, 1975; *Feijoo S.* Mitologia cubana. La Habana, 1986. P. 26, 35.
- ⁸ *Carneiro E.* Candombles de Bahia. Bahia, 1948; *Melreau A.* Le culte Vodou en Haiti. P., 1953; *Verger P.* Notes sur le culte des Orisa et Vodun a Bahia, La Baie de tous les Saints au Bresil et a l'ancienne Cote des Esclaves en Afrique. Dakar, 1957. P. 7-108.
- ⁹ *Verger P.* Op. cit.; *Herskovits M.* Dahomey, an ancient West African kingdom. N. Y., 1938. Vol. 2; *Lucas O.* The religion of the Yorubas. Lagos, 1948; *Cabrera L.* Anago. P. 78-81, 172.
- ¹⁰ *Pezuela J. de la.* Diccionario geografico, estadistico, historico de la Isla de Cuba. Madrid, 1863. T. 1; *Wright I.* The early history of Cuba, 1492 — 1586. N. Y., 1916; *Idem.* Historia documentada de San Cristobal de la Habana en el siglo XVI. La Habana, 1927. T. 1—2; *Roig de Leuchsering E.* La Plaza de Armas. La Habana, 1957. P. 153—154; и др.
- ¹¹ *Ortiz F.* La fiesta Afrocubana del «Dia del Reyes» // AFC. 1924. Vol. 1, N 2. P. 146—165; *Perez I. M., Martinez Fortun J.* Costumbres en Cuba en 1800 // AFC. 1929. N 1; *Perez Beato M.* Apuntes sobre las fiestas que se celebran en Cuba entre 1554 y 1630. La Habana. Manuscrito en la Bihlioteca Nacional.
- ¹² Здесь и далее рассказы о духах-карликах приводятся в версиях наших информаторов и по записям С. Фейхоо: *Feijoo S.* Cuentos populares cubanos. Las Villas, 1960. T. 1, 2; *Idem.* Mitos y Leyendas en Las Villas. Las Villas, 1965. P. 119—221. В этих сборниках С. Фейхоо собраны материалы многих фольклористов, работавших в разное время в центральных и восточных районах острова.
- ¹³ *Feijoo S.* Mitos. . . P. 191 — 192; *Idem.* Mitologia cubana. P. 170—176.
- ¹⁴ *Zayas A.* Lexicografia antillana: Diccionario de voces usadas por los aborigenes de las Antillas Mayores. La Habana, 1914; *Pichardo E.* Op. cit. P. 366, 537; *Ortiz F.* Nuevo catauro de cubanismos. La Habana, 1985. P. 305; *Feijoo S.* Mitologia cubana. P. 87—89, 90—96, 117, 180.
- ¹⁵ Это противоречит реальным свойствам дерева, о которых сообщает Э. Пичардо (С. 549): побеги сейбы снижают женскую плодовитость, а растертые с листьями агуакате могут вызвать выкидыш.
- ¹⁶ Интересно отметить, что все погребения докерамического периода на Кубе ориентированы головой на восток. Эта традиция отчасти сохранялась и в последующих доколумбовых культурах Кубы и, возможно, дожила до начала нашего века: в старину умерших во внутренних районах острова погребали всегда головой на восток.
- ¹⁷ *Pane R.* La religion de los indoantillanos//AFC. 1924. Vol. 1, N 2. P. 125, 131 — 137, 140. Панэ писал, что перед общением с духами предков индейцы в

течение нескольких дней постились и принимали настой из сока трав, которым также мылись. Напиток вызывал видения, во время которых у духов спрашивали о будущем. Интересно отметить, что, по нашим данным, в Орьенте и в настоящее время сок «индейской лианы» (*bejuco indio*) служит для мытья головы и стирки белья. Но старики помнят, что раньше колдуньи умели готовить из него опьяняющий напиток. По ботаническим словарям, этот вид лиан относится к семейству *Tropaeae*, к которому принадлежат традиционные наркотики-галлюциногены Мексики.

- ¹⁸ *Valle A. del, Martinez Hernandez P.* Tradiciones y leyendas de Cienfuegos. La Habana, 1919; *Feijoo S.* Mitos... P. 37—38.
- ¹⁹ *Feijoo S.* Mitos... P. 35-37, 174, 191-192, 209; *Idem.* Mitologia. . . P. 89, 186-221.
- ²⁰ *Feijoo S.* Mitologia. . . P. 151, 366-367. 401-422.
- ²¹ *Brett B. W.* Legends and Myths of the aboriginal Indians of British Guiana. L., 1868; *Roth W. E.* An inquiry into the animism and folk-lore of the Guiana Indians. Wash. 1915. P. 144-145, 172-174, 220-284. 363.
- ²² *Кнорозов Ю. В.* Иероглифические рукописи майя. Л., 1975. С. 245; *Бородатова А. А.* Праздник Нового года у майя // Экология американских индейцев и эскимосов. М., 1988. С. 330.
- ²³ *Barreal J.* Op. cit. P. 17 — 18.
- ²⁴ *Ortiz F.* Nuevo catauro. . . P. 305; *Feijoo N.* Mitologia. . . P. 87, 89, 92, 180; *Pichardo E.* Op. cit. P. 547.
- ²⁵ *Both W. E.* Op. cit. P. 229.
- ²⁶ *Bachiller y Morales A.* Cuba primitiva. Origen, lenguas, tradiciones e historia de los indios de las Antillas Mayores y las Lucayas. La Habana, 1983; *Loven S.* Origin of the Tainan culture, West Indies. Goteborg, 1935. P. 565—566; *Bouse J.* Mesoamerica and the Eastern Carribbean Area // Handbook of Middle American Indians. Austin, 1966. Vol. 4; *Lopez Baralt M.* El mito taino: raiz y proyecciones eri la Amazonia Colonial. Puerto Rico, 1977; *Arrom J.* El mundo mitico de los tainos. Bogota, 1967; *Idem.* Mitologia y artes Prehispanicas de las Antillas. Mexico, 1975; *Alegria B. E.* Apuntes en torno a la mitologia de los indios tainos de las Antillas Mayores y sus origenes suramericanos. Barcelona, 1978. P. 155—157; *Березкин Ю. Е.* Древнейшая история Южной Америки и индейская мифология (от охотников-собирателей к ранним земледельцам). М., 1990. (Рукопись диг.).
- ²⁷ *Pane B.* Op. cit. P. 125, 130.
- ²⁸ *Feijoo S.* Mitos. . . P. 13—15.
- ²⁹ *Pane B.* Op. cit. P. 129-130, 136.
- ³⁰ Записано со слов Хулио Сесара Агилера Эспиносы в Пунта-де-Хагуа, муниципалитет Байямо, провинция Гранма.
- ³¹ См., например: *Gifford D.* Warriors, gods and spirits from Central and South American mythology. Toronto, 1983. P. 113—114.
- ³² *Feijoo S.* Mitologia. . . P. 242—244.
- ³³ Боги-громовержцы во многих земледельческих культурах мира являются также богами войны, покровителями воинов. Каменные топоры — главное орудие земледельцев в тропиках и оружие воинов — атрибут богов грома и молнии и тем самым объект почитания и в Африке и в Америке. На Кубе они связываются в Чанго и его аналогом Св. Крестобалем. См.: *Ortiz F.* Натра. . . P. 132; *Idem.* Folklore religioso del cubano. P. 173.
- ³⁴ *Alegria B. E.* On Puerto-Rican archaeology // Amer. Antiquity. 1965. Vol. 31, N 2. P. 249; *Loven S.* Op. cit. P. 507-513.
- ³⁵ *Wright J.* The early history. . . P. 194; *Mestre A.* La antropologia en Cuba y el conocimiento de nuestros indios. La Habana, 1925. P. 8; *Рей Беманкур Э.* Генезис испанского колониализма и уничтожение коренного населения Кубы. Автореф. дне. М., 1978; *Tabio E. \ Bey E.* Prehistoria de Cuba. La Habana, 1966; и др.
- ³⁶ *Azcarrate Bosell B.* Historia de los Indios de Cuba. La Habana, 1937. P. 93—94; *Guarch J. M.* Ensayo de reconstruction etno-historica del taino de Cuba. La Habana, 1978; *Oberg K.* Types of social structure among the Lowland tribes of South and Middle America//Amer. Anthropol. 1955. Vol. 57, N 3. P. 473, 484-485.

- ³⁷ *Pichardo Moya F.* Los aborígenes de las Antillas. Mexico; Buenos Aires, 1956.
- ³⁸ *Romero Estebanez L. S.* Sobre las evidencias arqueológicas de contacto y transculturación en el ámbito cubano // Santiago. Santiago de Cuba, 1981. N 44. P. 71 — 105; *Dominguez L.* La transculturación en Cuba (s. XVI — XVII) // Cuba arqueológica. Santiago de Cuba, 1978. P. 33—50; *García Castaneda J. A.* La transculturación indo-española en Holguín // Rev. arqueol. y etnol. 1949. Vol. 4. P. 195-205; *Chorro de Mayta* // Rev. Hist. Holguín, 1987. N 3.
- ³⁹ *Romero Estebanez L. S.* Op. cit. P. 77.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 101.
- ⁴¹ *Wright J.* The early history. . . P. 54—76; *Romero Estebanez L. S.* Op. cit. P. 91-102.
- ⁴² *Fergusson E.* Cuba. N. Y., 1946; Cuadro estadístico de la Siempre Fiel Isla de Cuba correspondiente al año 1827. La Habana, 1828. P. 24 — 26; *Romero Estebanez L.* Op. cit. P. 91 — 101.
- ⁴³ Colección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y organización de las antiguas posesiones españolas de Ultramar. Madrid, 1886. T. 3. P. 221—232; *Guerra y Sánchez R.* Historia de Cuba. La Habana, 1921.
- ⁴⁴ *Las Casas R. de.* Historia de las Indias. Mexico; Buenos Aires, 1951. T. 1. P. 303.
- ⁴⁵ *Sagra R. de la.* Cuba en 1860. P., 1862; *Wright J.* The early history. . .; *Morales Patino O.* Los indígenas en los primeros municipios cubanos // Rev. arqueol. y etnol. 1951. Vol. 6. P. 368—381.
- ⁴⁶ *Rouse J.* The West Indies // Handbook of South American Indians. Wash. (D. C), 1948. Vol. 4. P. 519.
- ⁴⁷ *Buggies R.* The Indian remnants in Eastern Cuba // Genetica. 1954. Vol. 27; *Marrero L.* Cuba: economía y sociedad. San Juan, 1972. T. 1. P. 51; *Rivero de la Calle M.* Los indios cubanos de Yateras // Santiago. 1973. N 10. P. 151 — 174; *Idem.* Supervivencias de descendientes de indoamericanos en la zona de Yateras, Oriente // Cuba arqueológica. Santiago, 1978. P. 149—176. *Стингл М.* В горы к индейцам Кубы. М., 1974; *Алексеев В. П.* Послесловие // Стингл М. В горы к индейцам Кубы.
- ⁴⁸ *Núñez Jiménez A.* Cuevas y pictografías. La Habana, 1967; *Harrington M. H.* Cuba antes de Colón. La Habana, 1935. P. 229—230; *Romero Estebanez L.* Op. cit. P. 86-90.
- ⁴⁹ *Le Riverend J.* La Habana (biografía de una provincia). La Habana, 1960. P. 44-63.
- ⁵⁰ Эти ценные соображения были высказаны М. А. Членовым и И. И. Крупником на третьем симпозиуме по проблемам индеанистики в Москве в 1988 году.
- ⁵¹ *Лотман Ю. М.* Указ. соч. С. 3—10.

Содержание

Введение . 3

Раздел I

Индийско-европейские связи в ходе освоения континента

<i>В. А. Тишков.</i> К оценке исторических последствий индийско-европейских контактов	5
<i>В. А. Шницерман.</i> Этнокультурные контакты и лингвистические процессы в Северной Америке	17
<i>И. И. Крупник.</i> Культурные контакты и их демографические последствия в районе Берингова пролива	30
<i>А. В. Гринева.</i> На берегах Медной реки: индейцы атна и русские в 1783-1867 гг.	47
<i>Г. И. Дзенискевич.</i> К ранней истории русско-глинкитских отношений	64
<i>Р. Г. Ляпунова.</i> Этнокультурные контакты русских с алеутами и тихоокеанскими эскимосами в XVIII—XIX вв.	73
<i>Л. А. Файнберг.</i> Об изменениях в культуре северных оджибве под европейским влиянием	86
<i>П. М. Кожин.</i> Распространение лошади и этнокультурные перемены в Северной Америке в XVI—XIX вв.	93
<i>Я. Г. Шемякин.</i> У истоков процесса синтеза культур: взаимодействия испанского и индийского миров в эпоху открытия и завоевания Америки	103
<i>Э. Г. Александренков.</i> Контакт культур или первоначальное накопление капитала?	113

Раздел II

Отражение межэтнических контактов в религии, фольклоре и языке

<i>В.</i>	
<i>И. Гуляев.</i> Индейцы Мексики и европейское завоевание: традиционные стереотипы и реальность	126
<i>Ю. Е. Березкин.</i> Два европейских сюжета в фольклоре индейцев Латинской Америки	137
<i>А. А. Бородатова.</i> Культ сейбы на Кубе: к вопросу об индийском субстрате в культуре кубинцев	144
<i>М. Г. Котовская.</i> Проблема взаимодействия культур в Бразилии	171
<i>Л. П. Лисненко.</i> Миштецкие генеалогии: европейские параллели и различия	181
<i>Е. И. Царенко.</i> Отражение кечуа-испанских языковых контактов в литературе кечуа колониального периода	195

Раздел III

**Индийские общества:
идеология и политика во второй половине XX в.**

<i>Н. Л. Лопуленко.</i> Эскимосы Аляски: этноязыковая ситуация как один из аспектов взаимодействия разнотипных культур	206
<i>К. В. Цеханская.</i> Нейтивизм как альтернатива христианства у североамериканских индейцев	213
<i>В. Г. Стельмах.</i> История организации Движение американских индейцев	225
<i>Т. В. Гончарова.</i> Дуализм культур в андских странах	234
<i>П. В. Грибанов.</i> Индейская община и мексиканское общество: некоторые аспекты социального взаимодействия	243
<i>И. В. Соколова.</i> Эволюция политики официального индеанизма и индейское движение в Мексике в 70-х годах	250
Заключение	264